

FROM MEDIAEVAL RUS' TO RUSSIA OF THE EARLY MODERN PERIOD: WAYS OF SOCIAL INTEGRATION

DOI 10.15826/qr.2018.4.338

УДК 94(470)"15/16"+94(470.24)+39(=943.21)+316.35

НОВГОРОДСКИЕ ТАТАРЫ В СМУТУ И ПОСЛЕ СМУТЫ: РЕКОНСОЛИДАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ*

Адриан Селин

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия

NOVGOROD TARTARS IN THE TIME OF TROUBLES AND AFTER: SOCIAL GROUP RECONSOLIDATION**

Adrian Selin

National Research University – Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

The regional diversity of Muscovy, which was established in the second half of the 16th century, and attempts to describe it with the help of the emerging language of Muscovite bureaucracy was a way to construct the ranks that were later to become a specific feature of Muscovite society. The Novgorod lands were the first place where this language was created. Throughout the 16th century, the structure of ranks in the Novgorod lands became more diverse and complex. This article studies the restoration of a specific group of servicemen of Veliky Novgorod following the Time of Troubles and 1617, i. e. Muslim Tartars and the newly-baptised. Due to an immense decrease in the number of representatives of this and other categories of servicemen, the bureaucratic structure simplified. Very few Novgorod Muslim Tartars and newly-baptised kept their estates. Although different records kept referring to this special rank, it was mentioned together with

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, продолжающийся проект «Трансформация режимов управления разнообразием: война, реформы, революции в Российской империи».

** Citation: Selin, A. (2018). Novgorod Tartars in the Time of Troubles and after: Social Group Reconsolidation. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 943–954. DOI 10.15826/qr.2018.4.338.

Цитирование: Selin A. Novgorod Tartars in the Time of Troubles and after: Social Group Reconsolidation // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 943–954. DOI 10.15826/qr.2018.4.338 / Селин А. Новгородские татары в Смуту и после Смуты: реконсолидация социальной группы // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 943–954. DOI 10.15826/qr.2018.4.338.

all the other categories of servicemen in the same documents. Large numbers of the descendants of Novgorod Tartars changed their status and started receiving salaries on a regular basis, which made their status comparable to that of *streltsy* and *artillerymen*. For the purposes of comparison, the author refers to examples connected with former representatives of the group who, following the Treaty of Stolbovo, became subjects of the Kingdom of Sweden. Initially, i. e. until 1630, the Swedish administration kept references to this rank in its documents but as of the second generation of former Muscovite servicemen, their descendants were referred to as *Bayors* (Swedish *bajorer*), and almost all of them converted to Lutheranism. References to the Tartar descent of landowners can only be found in registries until the mid-17th century. The article considers the correspondence of the bureaucratic ranks to 17th-century social groups. In this context, it seems appropriate to consider Novgorod Tatars, as they were a group which was special both from the point of view of language and religion.

Keywords: Time of Troubles; Novgorod lands; Tatars; newly-baptised; servicemen; social groups.

Региональное многообразие Московского царства, созданного в середине – второй половине XVI в., и попытки его описать рождающимся языком московского делопроизводства были тем путем, каким конструировались чины, ставшие впоследствии специфической характеристикой московского общества. Новгородская земля была первым «полигоном», на котором данный язык создавался; в течение XVI в. структура чинов в Новгородской земле дополнительно усложнилась. В статье исследуются направления, по которым в годы Смуты и после 1617 г. происходило восстановление специфической группы служилых людей Великого Новгорода – татар-мусульман и новокрещенов. Огромная убыль численности в этой (и других) категории служилых людей вела к упрощению чиновной структуры. Крайне незначительное число новгородских татар-мусульман и новокрещенов сохранило поместья. При этом в документах учета особый чин «новгородских татар и новокрещенов» сохранился, однако он стал учитываться в одних документах со всеми остальными категориями служилых людей. Большая часть потомков новгородских татар перешла на положение «кормовых», то есть стала получать регулярное жалованье – корм, сблизившись с группами служилых людей «по прибору» – стрельцами и пушкарями. Важный сравнительный материал дает пример бывших представителей этой группы, которые после Столбовского мира стали подданными Шведского королевства. Первоначально (вплоть до 1630 г.) шведская администрация сохраняла указания на этот чин в документах, но уже во втором поколении все потомки бывших московских служилых людей составили общую категорию байоров; почти все они приняли лютеранство. В Московском государстве указания на татарское происхождение тех или иных помещиков к середине XVII в. исчезают из документов учета. В статье ставится вопрос о соответствии бюрократических чинов московской деловой практики социальным группам XVII в. Исследование примера новгородских татар – группы,

обладающей не только языковой, но и религиозной спецификой, представляется удачным для изучения этого вопроса.

Ключевые слова: Смутное время; Новгородская земля; татары; новокрещены; служилые люди; социальные группы.

Специфика территориальной и служебной организации Новгородской земли XVI–XVII вв. заключалась, в частности, в присутствии в ней многочисленных категорий (чинов) служилых людей, наиболее разнообразных в низах городской организации. Со времен первых земельных конфискаций Ивана III в Новгороде Великом сохранялись своеземцы – потомки мелких и средних землевладельцев эпохи независимого Новгорода; на рубеже XV–XVI вв. появились «пятиобежники» – служилые люди преимущественно «осадной службы», владевшие небольшими участками, прежде всего в приграничных западных районах Новгородской земли [Бернадский, 1961, с. 327–329]. Особой группой были архиепископские (с 1589 г. – митрополичьи) служилые люди, владевшие поместьями преимущественно в Обонежье и комплектовавшиеся также частично из числа своеземцев. В середине XVI в. к ним добавились новгородские «татары и новокрещены» – переведенные из покоренных Казанского и Астраханского ханств (царств) мурзы и «казак», получившие несколькими волнами поместья в восточных районах Новгородской земли, преимущественно в Бежецкой пятине. В течение середины – второй половины XVI в. происходила конверсия части татар – обращение в христианство; однако вплоть до начала XVII в. некоторая их часть сохраняла ислам.

Сложный бюрократический язык Поместного и Разрядного приказов был ответом на многообразие территорий, оказавшихся под властью московских царей в XVI в. Широкая номенклатура служилых чинов приводила к сложностям их учета разрядом и местными властями, во взаимодействии Разрядного и Поместного ведомств, в местном управлении в целом. Термины, использовавшиеся дьяками для описания чинов разных уездов, «городов», часто совпадали, но не везде точно указывали на генезис того или иного чина, на синонимичность чинов в разных уездах. Так, пока не исследован вопрос о том, насколько «земцы» Пскова и Смоленска в XVI – начале XVII в. были так же, как и в Новгороде Великом, сохранившими свои владения потомками представителей местных элит. В каком-то смысле выработанная в приказах терминология была способом упрощения управления, в особенности малыми группами служилых людей.

В годы Смуты происходит заметная трансформация структуры чинов Новгородской земли, прежде всего в сторону ее упрощения. Многие чины, созданные разрядными дьяками в ходе поэтапного перевода этих групп в Новгород, превратились в бюрократические категории и стремились к исчезновению. После перехода Ивангорода, Корелы, Орешка и Яма под власть шведской короны исчезли

пятибежники и городовые своеземцы; со временем исчезали своеземцы как таковые.

Наиболее устойчивой группой служилых людей Новгорода Великого может считаться, пожалуй, именно группа новгородских татар-мусульман и новокрещенов как обладавшая дополнительными признаками, объединявшими своих представителей, – это религия и, вероятно, язык. Эта группа была сформирована в Новгороде в течение XVI в. в результате раздач поместий служилым людям, переведенным из вновь присоединенных к Московскому царству поволжских мусульманских территорий. Новгород Великий был только первой территорией царства, где возникли небольшие островки татарского землевладения; позднее раздача поместий татарам-мусульманам и новокрещенам продолжилась на территории Ливонии.

Интеграция разных групп служилых людей татарского происхождения в новгородский «служилый город» шла несколькими этапами. Карамышевы, заметные среди лиц, получавших в середине XVI в. кормления в Новгородской и Псковской землях [Акты Юшкова, с. 53, 120, 126], несомненно, были связаны происхождением с выехавшими в Московское великое княжество татарами. Следующие фамилии, ставшие частью новгородского «города», верставшиеся на общих основаниях с представителями других групп – по пятинам, а не в рамках особой корпорации – дети боярские, несомненно, татарского происхождения (Ададуровы и Изетдиновы). В середине XVI в. они становятся интегрированной частью верстанных по пятинам новгородских городских дворян [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 958. Л. 44, 86 об.–87, 108, 111; Писцовые книги Новгородской земли, т. 4, с. 94, 137, 150, 151].

После ухода московских войск из Ливонии в 1583–1584 гг. «юрьевские» и «ругодивские» служилые люди получили компенсацию за свои поместья в Новгородской земле и в некоторых других уездах Северо-Запада [Аракчеев]. Таким образом, группа новгородских татар усложнилась за счет притока татар – ливонских помещиков: в волости Удомля было испомещено 29 «юрьевских новокрещенов» и 27 «говейских казаков»¹. После возобновления военных действий со Швецией в конце 1589 г. новгородские татары в числе других служилых людей были посланы под Ивангород. Некоторые из них погибли. Так, обыскная книга 1592 г. упоминает поместье «за говейским казаком Ногаем Янсубиным деревня Сотонина гора, живет сам Ногай... И Ногай убили в прошлом во 100-м году под Иванегородом немецкие люди, и после него осталась жена его Софья з детьми...» [РГАДА. Ф. 1209. Д. 17139. Л. 105–120 об.].

В конце XVI – начале XVII в. к новгородским татарам и новокрещенам были отнесены части дворов крымских царевичей, в Новгороде были испомещены представители других мусульманских территорий, ставших московскими служилыми людьми. На востоке Новгородской земли в 1590-е гг. получали поместья московские татарские толмачи,

¹ О происхождении этого чина, частично совпадавшего с «татарами и новокрещеными», см.: [Селин, 2016].

служащие Посольского приказа. Так, в 1595 г. в Прокофьевском погосте на Белой были испомещены три новокрещеных татарина-толмача – Григорий Ежов, Юрий Тенишев, Федор Исуфов (последний был назван «новокрещеном Гилянские земли») [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16954. Л. 45–53].

К 1602 г. относится самый ранний сохранившийся подробный список новгородских служилых татар-мусульман и новокрещенов [Селин, 2014]. Вплоть до верстания 1605–1606 гг. в списках новгородских татар-мусульман и новокрещенов сохранялись указания на происхождение: казанские татары отделялись от астраханских, крымские – от ногайских и проч. В 1605–1606 гг. для этой категории служилых людей была составлена особая десятина [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122]. Десятня учла 200 человек с небольшим. Именно в этой единственной десятне, специально зафиксировавшей новгородских татар как особый служилый чин, начали стираться внутригрупповые границы.

В годы Смуты, в том числе в 1611–1617 гг., татары и новокрещены сохранялись как особый чин новгородского «города». Однако именно в это время они, как и другие группы служилых людей, понесли невосполнимые демографические потери. Уже в 1612 г. территории, где новгородские татары были испомещены, вышли из-под контроля новгородского правительства. Вскоре волость Удомля полностью обезлюдела, находясь, видимо, вне контроля каких бы то ни было правительств (до лета 1613 г.), равно как и Суглицкая волость, располагавшаяся к востоку от Тихвина, на дороге к Устюжне. Все сохранившиеся известия о новгородских новокрещенах и татарах 1611–1617 гг. относились собственно к Новгороду. С 1612 г. они стали получать поместья в западных районах Новгородской земли; сохранив верность новгородскому правительству в годы кризиса лета 1614 г., многие представители этой группы получили пригородные поместные владения. При этом производились и разовые денежные выплаты как поместным, так и беспоместным татарам-мусульманам и новокрещенам². Значительная их часть, однако, осталась без поместных дач и довольствовалась денежными выплатами.

Сохранилась коллективная челобитная новгородских кормовых татар на имя новгородского правительства Я. Делагарди и князя И. Н. Большого Одоевского, из которой следует, что они составляли особый отряд, действовавший на всех направлениях военной активности Новгорода: в 1611–1612 гг. – в Порхове против псковичей, в 1612–1613 гг. были возвращены в Новгород. Татары писали:

...Бьют челом новокрещены кормовые Иванко Гордеев с товарищи, дватцать человек. В прошлом, государи, во сто двадцатом году в Порхове дал нам ротмистр Карбел по рублю денег, а кроме того на прошлой на сто двадцатой и на нынешней на сто двадцат первой год нам жалованья не дано ничего, и ныне мы били челом вам, великим бояром, о жалованье денежном

² Так, «поместные новокрещены» Андрей Алисин, Павел Алобердеев, Яков Кудашев, Данила Секизов, Богдан Иванов, Ченелы Уланов получили единовременно по полтине денег [RA, NOA. Ser. 2 : 186. L. 123].

по нашим окладом, и вы, государи, пожаловали, велели наши оклады выписати, и выписка была перед вами бояры, и по ся место мы не пожалованы, наги и босы и бесконныи государеву службу служити нечем и не на чем...

На обороте челобитной была записана резолюция: «Поди к Монши, приказано дати по рублю, да по етот час на службу». Таким образом, по получении единовременного жалованья у секретаря М. М. Пальма татары вновь посылались на военную службу, видимо, под Тихвин [RA, NOA. Ser. 2 : 288. L. 13].

Боевые действия 1612–1615 гг., плен и обращение с пленными вели к изменениям в составе служилой группы новгородских татар, в том числе к пополнению их состава. В декабре 1612 г. группа новгородских татар во главе с Ивашком Нуралеевым просила освободить татарина, взятого ими же в плен:

В прошлом, государь, во 120-м году взяли мы, холопы твои, подо Псковом в языках тотарина Еналейка Ботакова и привели к тебе, государь, в Великой Новгород, и ноне, государь, тот тотарин Еналейко сидит в заключение в темнице в твоей государеве пене живот свой мучит... [RA, NOA. Ser. 2 : 193B. L. 9].

Правительство отреагировало положительно и выдало пленного челобитчикам на поруки. Сходная ситуация произошла в сентябре 1615 г., когда взятый в плен в столкновении с московским войском служилый кадомский татарин Байбак Кудашев был освобожден по челобитной новгородского новокрещеного татарина Павла Таребердеева, который поручился за него перед новгородскими властями [RA, NOA. Ser. 2 : 41. L. 2–3].

Сохранилась расходная запись о выдаче кормовых денег большой группе новгородских татар-мусульман и новокрещенов, вероятнее всего, составленная в июле-августе 1613 г. Корм выдавался на 30 дней (согласно записи, он был сокращен в два раза по отношению к выдаче месяцем раньше); если кормовым татарам выдавались разные суммы (от 60 до 195 денег), то поместным – по полтине на месяц³ [RA, NOA. Ser. 2 : 201. L. 23]. Таким образом, обязательный корм выдавался всем представителям чина, в том числе имевшим поместья.

В списке новгородского войска, составленном в марте 1613 г. (предположительно должно было собраться под Старой Руссой), ни один из новгородских татар не упомянут [RA, NOA. Ser. 2 : 172B]. Летом 1613 г. новгородские татары были отправлены под Тихвин, где вместе

³ Корм был выдан всего 19 новокрещеным татарам: Ивану Танаеву (32 алтына 3 деньги), Ивану Наралееву (22 алтына 3 деньги), Ивану Исупову (20 алтын), Ивану Гордееву (25 алтын), Денису Евгостееву (22 алтына 3 деньги), Гаврилу Охкобякову (25 алтын), Данилу Булатову (15 алтын), Михайлу Орину (27 алтын 3 деньги), Миките Максutowу (32 алтына 3 деньги), Христофору Иванову (20 алтын), Василью Кангилдееву (25 алтын), Миките Анисимову (10 алтын), Ивану Девлетеву (20 алтын), Льву Агисhevу (20 алтын), а также поместным Андрею Алисину, Павлу Алебердееву, Якову Кудашеву, Данилу Секизову, Богдану Иванову, Челеневу Уланову (по полтине на человека).

с другими новгородскими служилыми людьми и со шведами участвовали в неудачной для себя осаде Тихвина монастыря. После столкновений под Бронницами с московской армией князя Д. Т. Трубецкого летом 1614 г. новгородские татары не перешли на сторону Москвы.

Кормовые татары Василий Кангильдеев и Никита Максutow летом 1614 г. подали челобитную с целью получить поместья новгородских детей боярских Софонтия Оклячиева и Ивана Дементьева, перешедших в полки осаждавшего Новгород князя Д. Т. Трубецкого. В челобитной татары писали: «...а нас, государь, холопей твоих, посылают на службу в Порхов... а жены и детишка наши остаютца, есть и пить нечего». В записных книгах 1606–1607 гг. оклад челобитчиков был записан следующим образом: «новокрещеным, которые сидели в Твери в тюрьме за Васильем Хангилдеевым с товарищи велено за человеком по двесте четей учинити, и в которой пятине кто приищет» [RA, NOA. Ser. 2 : 25]. У прибывших из Твери всего за несколько лет до взятия Новгорода шведами татар-новокрещенов действительно в Новгороде были жены (возможно, и дети): известны жена Никиты Максutowа Мария⁴ и жена Василия Кангильдеева Хавронья⁵. Сами тверские татары наверняка имели отношение ко двору царя Семиона Бекбулатовича, распущенному в 1587 г. [Беляков, с. 288].

После событий июня 1615 г. в Новгороде новгородские татары были принуждены к присяге королю Густаву Адольфу. Поп Федор, вышедший в Тихвин к послам князьям Д. И. Мезецкому и А. И. Зюзину вместе с княгиней Агафьей Одоевской, показывал на допросе:

...Приказывали... новокрещены Иван Муралеев да Иван Тонаев с товарищи, дватцать шесть человек, которые целовали свейскому королю крест, а татарове шертовали неволею, что де после того целованья целовали они, новокрещены, крест, а тотаровя верились по своей вере, что им служити и во всем прямити царскому величеству, свейского де короля в подданстве быти не хотят [РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 205].

В 1615 г. новгородские татары участвовали в осаде Пскова королем Густавом Адольфом. Отряд татар, по сообщениям лазутчиков, посланных из посольского стана на Песках, возглавил Никита Калитин, «а Микита де Калитин у короля думной дворянин и ныне пошел х королю подо Псков, а с ним в полку тотаровя всего 25 человек» [Там же. 1615. Д. 10. Л. 312–316].

Массовый переход татар на московскую сторону под Тихвином произошел в самом начале 1616 г. 16 марта 1616 г. 12 новгородских «татар и новокрещен» были пожалованы сукном за «новгородский выход». Это была половина тех, кто полугодом ранее присягнули королю

⁴ 21 июня 1613 г. она «искала на посадском человеке» Трешке Хлебнике 1 руб. за серги [RA, NOA. Ser. 1 : 64. Р. 101].

⁵ 17 сентября 1613 г. ей в числе других 21 жен, сестер и матерей служилых татар и новокрещенов был выдан государев хлеб, так как ее муж находился на государственной службе под Тихвином [RA, NOA. Ser. 1 : 46. Р. 9–10].

Густаву Адольфу⁶. Остальные либо исчезли со страниц источников, либо оказались королевскими подданными.

После Столбовского мира новгородские татары разделились: часть из них отъехала на московскую сторону, как Иван Танаев и его товарищ Гаврило Охкобяков (Кобяков), а часть осталась на службе шведскому королю. Танаев и Охкобяков уже летом 1617 г. били челом о вспомоществовании, утверждая, что перед передачей Новгорода Москве они

...покиня в Новгороде жон своих и детеи со всеми животы и после де их неметцкие люди жон их и детеи мучили на пытках огнем жгли животы их все поимали и хотели жон их и детеи свести съ собою в свою Немецкую землю на поруганье [СПБII. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.–70].

Катастрофические события Смуты привели, во-первых, к мобилизации поместных дач татар и новокрещенов, до Смуты располагавшихся компактно в бывших дворцовых волостях; значительная часть татар перешла на положение кормовых. Источники разрядного и поместного делопроизводства более не содержат указаний на происхождение служилых людей – татар из разных групп, преимущественно мусульманских, переселенных на Северо-Запад двумя поколениями раньше. Так, вместо более чем 50 помещиков-новокрещенов, известных в волости Удомле в 1590-е гг., в 1625 г. насчитывалось всего восемь человек⁷ (это была самая крупная компактная группа татар-помещиков). В Суглицкой волости к 1618 г. все поместья суглицких татар оказались розданы помещикам Кулибакиным, Нарбековым и Ушаковым [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16974. Л. 1–4 об.]. То же произошло и в Деревской пятине. В Полоновском погосте поместье Ондогул-мурзы Маметева (включая сохранившуюся усадьбу) было передано губному старосте Афанасию Ежевскому [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 968. Л. 413 об.]. Несколько татар сохранили поместья в Шелонской пятине⁸.

⁶ «...новгородским выходцом новокрещеном Ивану Тонаеву да Ивану Гордееву да Гаврилу Кобякову да князь Якову Кудашеву да Василию Кангельдееву да Максиму да Елисею Тонаевым да новгородцкому тотарину Досаю Колбекову да юртовским тотаром новокрещену Богдану Исаеву да татаром Семену Ондрееву да Кулашу Магмахолову по 6 аршин сукна еренку червчатого и лазоревое цена всем по 1 рублю по 16 алтын по 4 деньги портище... А пожаловал государь их за новгородцкой выход» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 279–125. Л. 199 об.–200].

⁷ Братья Алексей и Иев Фомины дети Аракчеева (получили отцовское поместье в 1619–1620 гг.), Кондратий Денисов сын Загашев (получил в 1620–1621 г. поместья Гурия Сюндюкова и Мурата Чарымова), Федор Иванов сын Мамзеяров (получил в 1622–1623 гг. поместье Федора Тахтамышева), Афанасий Иванов сын Рыков (получил отцовское поместье в 1625–1626 гг.), Тимофей Михайлов сын Бигилдеев (получил в 1619–1620 гг. поместье говейского казака Андрея Григорьева сына Буракова), Роман Андреев сын Ерманов (получил поместье в 1622–1623 гг.), Григорий Павлов сын Менделеев (получил поместье Василия Ясенева в 1624–1625 гг.), Иван Андреев сын Баигорин (получил отцовское поместье в 1620–1621 гг.) [РГАДА. Ф. 1209. Д. 750. Л. 92–92 об., 97–97 об., 100 об., 103–103 об., 105, 110, 112 об., 114 об.].

⁸ В Логовещком погосте в 1625–1626 гг. получил отцовское поместье Федор Данилов сын Секизов [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800. Л. 168].

Документы Разрядного делопроизводства после Смуты идут по пути упрощения системы служилых чинов. Указания на то, что тот или иной служилый человек «новокрещен» или «татарин», в десятнях сохраняются, но спорадически. В структуре десятен этот чин не выделяется в особую группу. Это же касается и других низовых новгородских чинов, таких как своеземцы.

Разумеется, можно говорить не только о физической гибели татар и новокрещенов в Смуту, но и 1) о десоциализации – уходе во дворы более успешных служилых людей и 2) о перемещении в другие уезды Московского государства. Один из примеров этому содержится в расспросных речах холопа переводчика Прокофия Вражского, вышедшего из плена в 1623 г. Татарин по происхождению, Логин Иванов показал в патриаршем Дворцовом приказе, что родился в Новгородском уезде, во дворе у новгородских татар Яныша и Уразлея Утешевых. В Смуту («в разоренье») он был взят в плен, вывезен в Тульский уезд и продан там касимовскому мурзе Уразлею, от которого бежал на запад, в село Яковцово Стародубского уезда. Видимо, еще до продажи мурзе Уразлею он был крещен «никольским попом на Клину» на Оке [РИБ. Т. 2. 1875. Д. 166. Ст. 597–668].

Как, вероятно, и другие представители разоренных низовых чинов Новгорода Великого, новгородские татары находили службу во дворах «сильных людей». Новгородский «новокрещен» Осип Сергеев сын Салтанов, видимо, в 1620-е гг. поступил на службу приказчиком вотчины князя Ивана Пожарского с центром в селе Рахин Мост. Его сын Андрей в 1650 г. был назван уже «человеком», то есть холопом князя Ивана [Мятежное время, с. 91–97].

Потерявшие в Смуту поместья татары и новокрещены преимущественно верстались кормом и оседали в городе. В первые месяцы после возвращения из Новгорода Иван Евнулетев просил царя о даче корма ему с женой и детьми, указывая на то, что его товарищам (Гаврилу Кобякову и другим) таковой корм выдается [СПБII. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 63–64]. Того же в июле 1617 г. добился другой новокрещен Григорий Кондратьев (с матерью и братом) [Там же. Л. 62 об.–63]. Лишь немногие новгородские татары получили поместья после Смуты (Кобяковы, Танеевы).

Появление в Новгороде группы кормовых татар, по всей вероятности, послужило указанием для разрядных дьяков увеличивать эту группу за счет родственных, как им казалось, групп из соседних городов. В июне 1617 г. «кормовые татарове Ахмамет Алманеев, Иван да Бурундук Нешхелевы, Ашмамет Ахметев» были переведены в Новгород из Вологды [СПБII. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 61 об.–62]. По наблюдениям Т. А. Опариной и С. П. Орленко, в 1621 г. Новгород из Москвы отправили пленных азовских, ногайских и крымских татар, в последующие годы подававших челобитные о крещении в надежде на освобождение [Опарина, Орленко, с. 37].

В Пскове до Смуты среди помещиков татар и новокрещенов не было. В 1620-е гг. структура псковского служилого города усложняется: туда переводится на корм отряд из 24 новгородских служилых татар, лишившихся поместий. Прежде «по литовским вестям» этот отряд служил на тех же условиях корма в Торопце. В царском указе псковским властям о раздаче денежного жалованья этому отряду особенно подчеркивалось, что выдача денег должна производиться только лично (а не заочно), дабы не допустить получения жалованья на «на выбылых и на мертвых»; запрещалось и «прибирать» новых новокрещенов в этот отряд [ОР РНБ. Ф. 120 (Акты Бычкова). Псковские акты. Т. 1. № 5. Л. 19–22].

Таким образом, после окончания Смуты новгородские татары и новокрещены сохранялись как особый чин, относящийся к низам служилого города. Их служба в это время – преимущественно в гонцах, «в осаде», в приставах. Поместные татары (в Удомле, в Шелонской пятине) постепенно сливались с городовыми дворянами и детьми боярскими. В переписных книгах 1646 г. и более поздних, в другой поместно-вотчинной документации принадлежность новгородских помещиков татарского происхождения к татарам и новокрещенам почти никогда не отмечалась, так как раздачи дворцовых волостей в это время прекратились. В это время с точки зрения логики приказного учета служилых людей и исчез смысл указания на татарское происхождение предков помещиков. В качестве особой группы новгородских служилых людей сохранялись только не имевшие поместных дач новгородские кормовые татары. По всей вероятности, ближе всего они были к служилым людям по прибору, новгородским казакам и стрельцам (в среде которых в течение XVII в. также наблюдается наследование детьми отцовского чина). К 1675 г. число новгородских татар и новокрещенов также исчислялось несколькими десятками. Но в этой категории во второй половине XVII в. учитывались только кормовые, то есть не имевшие поместья татары⁹. Таким образом, чин «новгородские татары и новокрещены» сохранялся к тому времени только в разрядной документации, исчезнув из практики Поместного приказа. Вплоть до 1699 г. эта категория учитывалась в сметных росписях Новгорода. Согласно переписной книге Великого Новгорода 1678 г., новгородские татары не жили компактной группой (наподобие слободы), но в значительном числе селились бок о бок со служилыми казаками – «беломестцами на тяглых местах» [Писцовые и переписные книги Новгорода Великого, с. 127, 129 и др.].

Чем же были новгородские служилые татары, особой социальной группой или бюрократически выделяемой категорией – чином? Относящиеся к эпохе Смуты вышеприведенные примеры, пожалуй, говорят о социальной самоидентификации. Она была связана, с одной стороны, с сохранением частью новгородских татар ислама, а возможно, и языка. После Смуты наблюдаются те же процессы, которые фиксиру-

⁹ В описи Новгорода 1675 г. записано: «...новокрещенов кормовых и черкасов, которые живут в Новгороде дворами своими, 29 человек» [Новгород Великий в XVII в., с. 152].

ются в течение XVI в., когда испомещенные в Новгородской земле «на общих основаниях» татарского происхождения служилые люди так же на общих основаниях попадали в десятки и не выступали в качестве особого чина. Построения о социальном многообразии новгородского (или какого-то еще) общества базируются на данных московской деловой письменности. Преимущественно речь идет о памятниках, созданных в Поместном приказе и Разряде. Эти старейшие учреждения московской системы управления создавали чины, реагируя на вызов многообразия земель и уездов, объединенных в Московском царстве. Насколько создававшиеся дьяками бюрократические категории соответствовали реальным различиям в социальных отношениях, иными словами – насколько границы между дискретными чинами были границами социальными? Полагаю, что ответ на такой вопрос можно попытаться дать только путем привлечения источников такого рода, о котором говорилось выше: это крайне редко сохранившаяся частная переписка, изветные челобитные, материалы следственных дел, словом, те памятники, которые не связаны с намеренным приказным разделением общества, прежде всего служилого, на чины.

Список литературы

Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества : в 1 ч. М. : Университет. тип., 1898. Ч. 1. 416 с. (Акты Юшкова).

Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия : Новые исследования. СПб. : Третья Россия, 1993. С. 38–42.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : Просопографическое исследование. Рязань : Рязань. Мир, 2011. 512 с.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 375 с.

«Мятежное время» : Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. СПб. ; Кишинев : Нестор-История, 2001. 502 с.

Новгород Великий в XVII в. : Документы по истории градостроительства. М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1990. 316 с.

Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // Отеч. ист. 2005. № 1. С. 22–39.

ОР РНБ. Ф. 120 (Акты Бычкова). Псковские акты. Т. 1. № 5.

Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 685 с.

Писцовые книги Новгородской земли. М. : Древлехранилище, 2004. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. 805 с.

РГАДА. Ф. 96 (1615). Д. 10; Ф. 96 (1616). Д. 6; Ф. 210. Оп. 4. Д. 122; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 279–125; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 750, 800, 958, 968; Ф. 1209. Оп. 3. Д. 16954, 16974, 17139.

РИБ. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1875. Т. 2. 1228 стб.

Селин А. А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле : формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

Селин А. А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // Единорог : Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 3. М. : Фонд «Русские витязи», 2014. С. 278–349.

СПБИБИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17.

RA, NOA. Ser. 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25, 2 : 172B, 2 : 186, 2 : 193B, 2 : 288.

References

Akty XIII–XVII vv., predstavlennye v Razryadnyi prikaz predstaviteliymi sluzhilykh familii posle otmeny mestnichestva v 1 ch. [Acts of the 13th–17th Centuries Provided to the Razryad Chancellery by the Representatives of Service Families after the Abolition of Mestnichestvo. 1 Part]. (1898). Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 416 p.

Arakcheev, V. A. (1993). Utrachennyi ukaz 1582 g. ob ispomeshchenii “detei boyarskikh nemetskikh gorodov” i ego realizatsiya [The Lost Order of 1582 on Giving Estates to the Boyar Sons from “German Cities” and Its Implementation]. In *Feodal'naya Rossiya. Novye issledovaniya*. St Petersburg, Izdatel'stvo “Tret'ya Rossiya”, pp. 38–42.

Belyakov, A. V. (2011). *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chingisides in 16th- and 17th-Century Russia. A Prosopographical Study]. Ryazan, Izdatel'stvo “Ryazan”. Mir”. 512 p.

Bernadsky, V. N. (1961). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke* [Novgorod and the Novgorod Lands in the 15th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 375 p.

“Myatezhnoe vremya”. *Sledstvennoe delo o novgorodskom vosstanii 1650 goda* [“Seditious Epoch”. Investigation on the Uprising in Novgorod, 1650]. (2001). St Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya. 502 p.

Novgorod Velikii v XVII v. Dokumenty po istorii gradostroitel'stva [Novgorod the Great in the 17th Century. Documents on Urban History]. (1990). Moscow, Institut istorii Akademii nauk SSSR. 316 p.

Oparina, T. A., Orlenko, S. P. (2005). Ukazy 1627 i 1652 godov protiv “nekreshchenykh inozemtsev” [The Orders of 1627 and 1652 against “Unbaptised Foreigners”]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 22–39.

OR RNB [Manuscript Department, National Library of Russia]. Stock 120 (Akty Bychkova). Pskovskie akty. Vol. 1. No. 5.

Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII – nachala XVIII v. [Land Record and Population Record Books of Novgorod the Great, 17th – Early 18th Centuries]. (2003). St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 685 p.

Pistsovye knigi Novgorodskoi zemli [Land Record Books of the Novgorod Lands]. (2004). Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 4. Pistsovye knigi Derevskoi pyatiny 1530–1540-kh gg. 805 p.

RA, NOA. Ser. 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25, 2 : 172B, 2 : 186, 2 : 193B, 2 : 288.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 96 (1615). Dos. 10; Stock 96 (1616). Dos. 6; Stock 210. List 4. Dos. 122; Stock 396. List 2. Book 279–125; Stock 1209. List 1. Dos. 750, 800, 958, 968; Stock 1209. List 3. Dos. 16954, 16974, 17139.

RIB [Russian Historical Library]. (1875). St Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh. Vol. 2. 1228 stb.

Selin, A. A. (2014). Priezd printsa Gansa Datskogo v Moskovskoe gosudarstvo i Novgorodskii sluzhilyi gorod v 1602 g. [The Arrival of Prince Hans of Denmark to Muscovy and the Novgorod Servicemen Corporation in 1602]. In *Edinorog. Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy*. Iss. 3. Moscow, Fond “Russkie vityazi”, pp. 278–349.

Selin, A. A. (2016). Tatars-musul'mane i novokreshcheny v Novgorodskoi zemle: formirovanie i funktsionirovanie maloi sotsial'noi gruppy (konets XVI – nachalo XVII v.) [Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

SPbII [Archives of St Petersburg Institute for Russian History, RAS]. Collection 2. List 1. Dos. 17.

The article was submitted on 17.02.2018